

ТАТЬЯНА КОВАЛЬКОВА

Независимый журналист, переводчик

ВЫПАВШИЕ И ВПАВШИЕ

Сегодня мы представляем большой видеосюжет из жизни писателя Юрия Мамлеева глазами его старого друга — философа Татьяны Горичевой, снятый по инициативе последней в 2011 году в Париже и его окрестностях. Принадлежность разным поколениям не помешала им сблизиться и человечески и творчески. Однако об этом не прочитаешь ни на одной из многочисленных страниц в интернете, посвящённых их жизни и творчеству, не говоря уже о печатных источниках. Разве что сам Мамлеев и писатель Игорь Дудинский в короткометражном фильме «Иной дозор» (2006) Всеволода Судейко мельком упоминают о том, что в эмиграции в парижской квартире Татьяны Горичевой царил дух, немного напоминающий Южинский. Этот же дух был и в атмосфере собраний у Алексея Хвостенко: «Напоминало Южинский по отключению от социальной реальности», — по словам самого Мамлеева.

Однако сам Юрий Витальевич Мамлеев из социальной реальности не был исключён, работая учителем математики после окончания Лесотехнического института. Кроме того, он был постоянным читателем Ленинки, как и вся советская интеллигенция.

«Собственно, салон на Южинском начинался в курилке Ленинской библиотеки. В пятидесятые годы там прямо в читальном зале в открытом доступе на полках стояло множество книг по философии и даже эзотерике. Никакой цензуры не было очень долго, потому что после Сталина власть грызлась между собой и ей было не до тайных знаний. Если чего-то не находили на полках, то всё можно было легко заказать по каталогу.

Приносили буквально через несколько минут, которые жаждущие знаний молодые люди проводили в курилке, где активно знакомились друг с другом.

В середине пятидесятых многие возвращались из лагерей, кто-то не оправился от психологических травм, нанесённых войной. Поэтому появилось очень много ищущих истины людей, которые не нашли себя в „коммунистическом строительстве“. Они тянулись туда, где могли получить какие-то знания, отличающиеся от того, чему учили в школе. Возник поистине сумасшедший, неистовый интерес к философии и метафизике» (подлинно асоциальный Игорь Дудинский в переписке с Г. Давыдовым в толстом веб-журнале «Перемены»).

С момента возвращения на родину в начале девяностых Юрий Мамлеев регулярно повторяет в своих многочисленных интервью (где он рассказывает о себе «с большим аппетитом» по Достоевскому), что причиной его эмиграции была невозможность реализовать себя публично. В этом смысле он не был типичным представителем андеграунда, авторы которого считали для себя неприличным печататься в «Новом мире», но только в самиздате, чтобы не потерять чистоты. Он выделялся мягкостью характера и двумя комнатками в деревянном бараке в Южинском переулке, которые достались ему от родителей. Собственно салонов по Москве в то время было великое множество: Лианозовский (О. Потаповой и Е. Кропивницкого), Строевой-Титова на Тверской, Аиды Сычёвой, Ники Щербаковой и другие. Но Мамлеевский салон отличался своей интеллектуальностью.

Со сдвигом в пятилетку в Петербурге у Виктора Кривулина и Татьяны Горичевой в квартире номер 37 также ежедневно собирались люди, но это были христианские религиозно-философские семинары.

Асоциальность московской и питерской богемы зиждилась не только на неприятии советской системы и марксистско-ленинской философии и идеологии, но главным образом на прятии совершенно иных ценностей, которые занимали всё их физическое время.

Вот перечень, весьма неполный, участников мамлеевского метафизического салона в Южинском переулке: Е. Головин, Г. Джемаль, А. Проханов, В. Буковский, И. Дудинский, художники В. Пятницкий, В. Ковенатский. После отъезда Юрия Витальевича в 1974 году в США остатки Южинского сплотились вокруг философа-мистика и поэта Евгения Головина. И тогда там появился А. Дугин, художник В. Коноплёв, рок-музыкант А. Скляр (Головин как автор текстов был в Москве центром притяжения рок-тусовки 1980-х).

«Мы существовали в жёстком демоническом потустороннем мире, который объявил себя обычным и скучным... Параллельное существование магических существ на фоне обычных в концепции дозоров А. Лукьяненко — это чем-то напоминает существование нас, когда мы, как некие потусторонние вампиры, ходили между тогдашних советских людей» (Гейдар Джемаль).

Надо понимать, что это были открытые системы, а не тайные общества. Для будущих исследователей это представляет определённую сложность, ибо отследить, когда именно примкнул и в какой момент отпал от своего топонима тот или иной участник этого оргиастического действия, практически невозможно.

Какой же пищей питались эти «демонические существа»? Из некролога Евгения Головина, ушедшего в 2010 году: «Его жизнь удивительна тем, что она вообще никак не пересекалась с бурными событиями века, страны, общества. Головин и все остальные провели 72 года на разных планетах. Он — среди мистических средневековых трактатов по алхимии, поэтических откровений „проклятых поэтов“, высокой интеллектуальной культуры Средневековья, невидимых континентов и восхитительных сюрреальных образов. Все остальные жили в ногу со временем. Головин же времени как явления вообще не признавал. Оно платило ему той же монетой».

Как утверждают его биографы, Головин — первый человек в России, который в начале 1960-х годов открыл европейский традиционализм (Рене Генон, Юлиус Эвола, Титус Буркхардт и другие).

Юрий Мамлеев как писатель сформировался на традиционалистской философии. «Это не только Рене Генон, но вся традиционалистская философия и метафизика. Некий экстракт из всех мировых религий, который их объединяет. Разные религии трактуют Вселенную одинаково, но разными словами» — свидетельствует он в одном из недавних интервью. Но всё же в эмиграции, в возрасте сорока лет, он принял православное крещение.

Переехав в Париж, Мамлеев вновь почувствовал родную стихию. Но всё уже было по-другому. Общество Имперских державных анархистов сложилось более рационально в отличие от полной стихийности и шизоидности (по самоопределению) Южинского. Под редакцией художника Владимира Котлярова, известного более как Толстый, в 1989-м году вышел сборник «Мягкий знак: Имперский державный анархизм! Семейный альбом». «Мягкий знак», вероятно, возник как согласие с идентификацией России как страны мягкого знака и тихого голоса (см. исследования лингвиста-евразийца Романа Якобсона), цивилизации мягкого «душевного» произношения.

В манифесте Имперских анархистов мы читаем ужасающие антисоциальные вещи: «мы анархисты, потому что подчиняемся одному Богу и не признаём рабства у: материи, разума, научности, здравого смысла и его „серьёзных“ проблем. Мы против вампира-государства, против государства как формы насильственного губернёрства воинствующей посредственности и самодовольного обывателя над избранниками духа и жрецами свободной воли. Наш анархизм — это борьба против идеологической демагогии вообще... наш анархизм — это презрение к спекуляции словами „борьба

за мир“, „за нашу и вашу свободу“... мы против скучных идеологических миражей: от дохлой „борьбы классов“ до ещё теплящихся „прав человека“. Если говорить строго, у человека есть лишь одно право — право на смерть, ибо „все под грехом“ (Рим. 3. 9). Отношения, основанные на „человеческом гуманизме“, всегда приводили лишь к ненависти и раздору. Мы против плоских истин о равенстве и демократии. Мы против демократит дельцов... мы против унификации, стирания различия, абстрактного единства. Наш анархизм — это бесконечная, ничем не ограниченная свобода о Господе, это беспрекословное подчинение сладости Божественного руководства, это право страстной жертвы и самопожертвования во Христе. Жизнь державна и иерархична... Державность для нас — это божественный отблеск на лике истории России и славян, это безупречность и несомненность в евразийской привязанности нашей истории, в патриотическом объединении сынов и дочерей имперского народа вокруг фундаментальных основ, его сформировавших. Наша державность — это всепрощение земное и небесное. Это Вера в спасение человечества, наша Надежда на бессмертие и наша Любовь к Богу и ближнему... Империя, которой мы чаем и о которой молимся, — это империя великой целостности и целостности духовной истории нации, страны и мира вокруг неё. Наша имперскость — это утверждение созидающей множественности в беспрекословном единстве, это культ неповторимости и первотварности в консервативном единстве. Наша империя — это жизнь России в единой душе народа и жизнь народа в православной множественности. Наш имперский державный анархизм — это неограниченная духовная свобода, освящённая Господним послушанием, в единстве фундаментальных ценностей».

При всей стилистической сложности этот текст прозрачен. Понимание свободы личности взято у Михаила Бакунина, трактовка имперскости вполне соответствует теории Владимира Соловьёва и русских космистов, а «евразийская привязанность нашей истории» отсылает к трудам Николая Данилевского и его последователей.

Нетрудно заметить, что сам термин «державный анархизм», по сути, оксюморон. И в этой функции он, безусловно, явление положительное, наилучший способ выхода из психологического тупика, куда был загнан советский человек, если он настаивал быть человеком.

Хотя текст и написан артистически, что выдает принадлежность авторов сборника к богеме, но написан он людьми хорошо образованными. Советский лозунг «знание — сила» творческой богемой 1960–1970-х годов понимался несколько иначе, я бы сказала, буквально. Если в марксистско-ленинской трактовке он шифровал атеизм, то здесь явно просвечивает иудео-христианская традиция с одной стороны, и неоплатоническая с другой, — погружение в глубины знания о мире посвящёнными.

В России 1990-х Мамлеев едва ли не самый печатаемый автор (пришло его время). Он создаёт клуб метафизического реализма ЦДЛ, а самый юный из Головинского кружка — Александр Дугин в 1995 году открывает «Новый университет» исключительно для популяризации традиционалистской философии, с характерным названием Дионис-3. Интересно, что Дугин именно Евгения Головина называет новым Дионисом, и вовсе не в метафорическом смысле.

В одном из недавних интервью, опубликованном на персональном сайте Мамлеева, Юрий Витальевич на вопрос «что приносит счастье?» отвечает в таком порядке: «Маша, Россия, творчество и сознание бессмертия. Четыре пункта». Положительные образы появились лишь в поздних романах Мамлеева, начиная с «После конца», и их отличает сентиментальность и даже детская наивность. Вероятно, он устал от порождений своей метафизической реальности.

Для объяснения всякого феномена культуры важно помнить тот факт, что пространство культуры ассиметрично, а время нелинейно. Этим, в частности, объясняются многочисленные факты того, что великие современники не были знакомы друг с другом, несмотря на небольшую разницу в возрасте. Толстой так и не познакомился с Достоевским, Лермонтов с Пушкиным, — несовпадение внутренних ритмов. На языке математики об этом можно сказать так, что творцы движутся по своим кривым вовсе не хаотично, они обусловлены определённой системой координат. В общей системе координат могут происходить удивительные пересечения сквозь пространство и время, а в разных системах — два творца, живущих на одной улице в один и тот же год, могут никогда не узнать об этом.

Для большинства наших читателей этот в общих чертах описанный мир явно существовал параллельно во времени и потому не вправе претендовать на реальность. И всё же он был, творил и посеял свои семена. Надо помнить о нём, ибо уже пришло время собирать плоды.